

Путешествие из Будапешта в Асбест

Валентин Баттиани с тремя сыновьями задался благой целью - найти и посетить места, где после войны провел десять лет в лагерях военнопленных его отец Ференц.

"Кашу" заварили...

Искать пришлось долго: семейство Баттиани отправляло запросы в Россию, собирало в общий архив всю информацию, которую удавалось найти. В распечатке значилось, что Ференц Баттиани с 1945 по 1955 годы был в нескольких лагерях, разбросанных преимущественно по Уралу и Сибири. Самый дальний находился под Мурманском. Эта практика использовалась повсеместно: военнопленных долго не держали на одном месте, чтобы они не обживались, не успевали привыкнуть к местности и понять, где находятся. Когда семья Баттиани приехала в Асбест, мы еще не видели, какие номера лагерей значились в их собранных сводках...

Сопровождали гостей Сергей Владимирович Липачев, который владеет информацией о военных и послевоенных годах и занимается подобными историческими международными расследованиями, Елена Ивановна Тураева, библиограф Центральной библиотечной системы, которой было необходимо узнать о памятнике на кладбище военнопленных, и Светлана Никитовна Рыбкина, переводчик и преподаватель немецкого языка, без которой пришлось бы туда.

Накормить завтраком гостей вызвались в столовой ОАО "УралАТИ". Разносчицы были щедрые, но сыновья попросили по маленькой порции каши - вот он, здоровый завтрак европейца. За кашей мы и узнали историю Ференца Баттиани.

"Совсем скоро" не получилось

Отец Валентина был лейтенантом, командиром взвода зенитной артиллерии, участвовал в военных действиях на западной территории Венгрии. На дворе был 1944 год. Когда Красная Армия стояла перед городом и всем стало ясно, что отступать некуда, Ференц сдал униформу, оружие и пошел в сторону деревни, где проживали родители его матери. Но деревня была пуста, жители покинули ее. Единственным человеком, которого он нашел в этом месте, был католический священник. У него обезоруженный лейтенант и переночевал. Днем по громкоговорителю русские объявили, что всем мужчинам младше 50 лет надо явиться в военную комендатуру, ничего страшного с ними не случится и все будут после отметки отпущены по домам.

- Ради Бога, не ходи туда! Я спрячу тебя, а потом на поезде ты уедешь домой! - умолял Ференца священник.

- Но почему? Я верю им, они говорят, что ничего плохого с нами не случится.

Венгерский "разжалованный" лейтенант пошел в комендатуру, после чего его не видели десять лет - он попал в плен к русским.

Два месяца спустя советский офицер посетил мать Ференца, он хорошо говорил по-французски и по-немецки:

- Не беспокойтесь, ваш сын вернется. И совсем скоро.

Сын вернулся, но вот "совсем скоро" не получилось. Интересный факт: уже в 80-х годах по стечению обстоятельств и чистой случайности состоялась встреча этого офицера с сыном Ференца Валентином. Этот советский офицер работал в Вене профессором венской литературы.

- Десять лет ваш родственник пробыл в плену в послевоенное время? Что было с ним дальше? Он вернулся? - спросили мы.

- Он пробыл в плену с 1944 по 1955 годы. Вернулся домой, когда

мне было уже 13 лет. Он нашел родственников, которые сказали ему, где находится его жена Мария с ребенком, то есть со мной. Мы жили в деревне у бабушки, - рассказывает Валентин Баттиани. - Ференц прожил до 1997 года.

- Что он делал в плену? Он рассказывал?

- Рассказывал очень мало. Но мы знаем, что он являлся помощником врача в лазарете в лагере военнопленных. Его отец был врачом, еще до войны имел свою больницу, построенную на собственные сбережения, потому и Ференц знал врачебное дело. Думаю, это облегчило ему существование в лагере. Еще он говорил, что работал в плену на кирпичном заводе.

- На месте 84-го лагеря послевоенного времени остался барак - на этом месте был лазарет, - рассказывает Сергей Липачев. (В том, что у него в арсенале - огромный багаж информации, мы убедимся еще не раз).

Но как сыновьям Баттиани хочется найти места, где был их дед! Вооруженные фотоаппаратами и видеокамерами, они впитывают все, что им говорят, спрашивают, слушают внимательно, чтобы не упустить ни одной детали. По возвращении домой они хотят снять для себя фильм о своем путешествии в Россию и о поисках мест, где был в плену Ференц, а также опубликовать репортаж в газете "DAS MAGAZIN", в которой редактором трудится один из его внуков - Саша Баттиани. К слову заметить, что и остальные внуки весьма преуспели в жизни: старший Белла - режиссер документальных фильмов, младший Николас - актер театра.

Генеральское кладбище

Военная техника рядом с мемориальным комплексом "УралАТИ" гостей впечатлила, особенно гаубицы 1942 года.

- Им столько же лет, сколько и мне, но они выглядят лучше, - шутит Валентин.

Далее венгры посещают музей боевой и трудовой славы завода. Оказалось, что интерьер заводского музея универсален, здесь с успехом можно проводить экскурсию по теме военнопленных. Люди на фотокарточках военных и послевоенных лет много повидали на своем веку, общение с военнопленными было обыденностью.

Венгры ссыплют вопросами, на которые получают ответы:

- Что из себя представлял карцер для военнопленных?

- Небольшое бетонное неотапливаемое помещение, где холодно и тесно.

- Их там кормили?

- Им давали урезанную порцию.

Что касается военного времени, из рассказов Сергея Липачева стало ясно, что условия жизни жителей города мало чем отличались от условий для военнопленных - всем было неизвестно тяжело выживать.

А мы едем дальше по городу и проезжаем дома и сооружения, построенные руками военнопленных: знаменитая арка-вход на бывший стадион "Строитель", дом № 53 на улице Промышленной, здание Центра культуры и досуга, дома на улицах Уральской, Садовой, школа № 30, баня № 2, дом "под часами", как его именуют в народе, и другие постройки.

Эхо войны коснулось Валентина БАТТИАНИ совсем не легким касанием: с матерью он, будучи ребенком, скрывался в бомбоубежищах Будапешта, а его отец десять лет провел в лагерях военнопленных в России...

Музей завода "УралАТИ", Генеральское кладбище и другие места посещения значились в программе путешествия венгерской семьи в Асбесте

Следующий пункт назначения - кладбище военнопленных. Оказывается, их в окрестностях несколько. Мы едем на одно из них, в сторону поселка Новоокунево. Пробираемся по узкой заснеженной дороге в лесу. Вот она, мемориальная площадка посреди глухого леса. Оградка, двухметровый гранитный крест, по бокам еще по три маленьких креста. На входе табличка: "Кладбище лагерного отделения № 6 лагеря МВД СССР № 476". Этот комплекс был построен в 1998-2000 годах силами Немецкого народного союза по уходу за военными могилами. Кладбище прозвали Генеральским, здесь среди военнопленных захоронено шесть генералов Вермахта. Немцы, румыны, венгры, австрийцы... Существует два списка похороненных. Правда, почему-то в одном значится 46 человек, а в другом - 49.

- Если бы мой отец не выжил, его прах покоялся бы здесь, - в печальной задумчивости замечает Валентин Баттиани.

В "ГАЗель" Баттиани возвращаются спустя час совершенно счастливые, хоть и замерзшие, с мокрыми по колено ногами, в карманы они насибрили веток, каких-то камней, обрезков железа, чтобы привезти хоть что-то с места, где находился в плену Ференц.

А затем мы едем на смотровую площадку карьера, который так впечатляет иностранных гостей. Впереди у них еще несколько мест посещения. Вечером за чашкой чая Сергей Липачев показывает им личные вещи военнопленных из своей коллекции: венгерская фляжка, нож, портсигар, кожаный футляр для бритвенных принадлежностей, ложка для обуви, ножницы. Особое место в коллекции занимают жестяные банки 50-х годов от гуманитарной помощи. Это настоящее произведение искусства - баночки, в которых лежали монпансье, пряники, конфеты. Таких изысков в России тогда не существовало. Русские, которые имели в домах такие баночки, использовали их как шкатулки для украшений, ниток.

По словам Сергея Липачева, примерно раз в год приезжают иностранцы с целью подобных поисков.

После этого путешествия у меня возникла и другая мысль, не самая радужная. Люди готовы лететь с другого края земли искать могилу, места, где родственник был в плену, а мы находимся рядом с захоронениями своих предков, и в каком заброшенном подчас состоянии они находятся...

Мы говорим, что надо помогать живым, а мертвым уже ничем не можешь. У нас не хватает средств и времени, мы ищем себе оправдания.

В проблеске чувств еще способны провести субботник на кладбищах, но глобально решать проблему городских кладбищ все еще не можем. Нам недосуг. Может, в этом состоит некая чудовищная чудаковатость ментальности русского человека? В том, что мы живем сегодняшним днем, а завтра - хоть трава не расти?

М. БАТЛУК.
Фото А. ЧЕРЕМНЫХ.